

СССР И ПЕРЕВОРОТ 27 МАРТА 1941 г. В ЮГОСЛАВИИ

USSR AND THE COUP OF MARCH 27, 1941 IN YUGOSLAVIA

Аннотация. В статье на основании доступных документов, мемуаров и историографии рассматривается вопрос об отношении СССР к перевороту 27 марта 1941 г. в Югославии. Особое внимание уделяется происхождению малообоснованного предположения об участии СССР в организации военного переворота.

Ключевые слова: Советско-югославские отношения, Вторая мировая война, военный переворот, история разведывательной деятельности.

В течение полугода накануне начала Великой Отечественной войны активность советских государственных учреждений в Королевстве Югославия была особенно интенсивной. Дипломатические отношения на уровне миссий были установлены 24 июня 1940 г. и официально прерваны со стороны СССР 8 мая 1941 г., однако реальная деятельность Полномочного представительства СССР в Югославии длилась куда меньше¹.

¹ Гибианский Л.Я. Югославия перед лицом фашистской агрессии и Советский Союз // Восточная Европа между Гитлером и Сталиным. 1939–1941 гг. М.: Индрик, 1999. С. 434–469; Тимофеев А.Ю. Дипломатия по-русски, дипломатия по-сербски... Первые представители СССР в Белграде, первые представители Югославии в Москве // Вестник МГИМО-Университета. 2009. № 2. С. 17–31; Гибианский Л.Я. Советская политика в отношении Югославии перед апрельской катастрофой 1941 г. // Срби и рат у Југославији 1941 године: тематски зборник радова. Београд: Институт за новију историју Србије; Музеј жртава геноцида; Институт за славистику Руске академије наука, 2014. С. 141–163; Животић А. Совјетски војни изасланик у Београду о узроцима пораза војске Краљевине Југославије у Априлском Рату 1941 // Војноисторијски гласник. 2019. № 1. С. 144–166.

Полномочным представителем СССР в Королевстве Югославия был Виктор Андреевич Плотников, советником — Виктор Захарович Лебедев, военным атташе — Александр Георгиевич Самохин, помощником атташе — Петр Михайлович Коваленко. Интересны судьбы этих людей, ставших на короткое время олицетворением советского государства на сербской земле. Эти биографии важны нам, так как являются единственным способом определить, были ли эти люди высококласными специалистами по работе с агентурой в высших слоях балканского общества? Или же, наоборот, были слишком далеки от хитросплетений балканской политики для того, чтобы организовать ловкий дворцовый переворот в классическом «британском» стиле.

Александр Георгиевич Самохин родился на хуторе Верхне-Бузиловка Области Войска Донского 20 августа 1902 г. Однако в годы Гражданской войны Александр Георгиевич всей душой был на стороне красных и 4 мая 1919 г. вступил в РККА, активно поучаствовал в боевых действиях на Восточном фронте. Способный и выдержанный паренек решил сделать военную карьеру своей судьбой: с 1923 г. по 1931 г. он был командиром батальона, в 1920 г. вступил в РКП(б). Александр Георгиевич неуклонно стремился совершенствовать свой образовательный уровень: в 1921 г. окончил Пензенские пулеметные командные курсы, а в 1923 г. — Киевскую объединённую военную школу имени Л.Б. Каменева (по другим данным — Казанскую высшую военную школу им. Л.Б. Каменева), с мая 1931 г. по май 1934 г. учился на основном факультете Военной Академии имени М.В. Фрунзе. По окончании Военной Академии, Самохин перешел на штабную работу — стал сначала начальником оперативного отделения Штаба стрелковой дивизии, а потом и начальником Штаба стрелковой дивизии. Высокообразованный офицер привлек внимание начальства, и после этого жизненный путь Самохина внезапно изменился — в 1937 г. он был переведен со штабной работы и назначен начальником

Орджоникидзевского пехотного училища, а в 1939 г. — заместителем начальника Главного управления военно-учебных заведений РККА².

В августе 1940 г. Александр Георгиевич был повышен до своего следующего звания — генерал-майора и назначен военным атташе при Полномочном представительстве СССР в Югославии. Для создания целостного образа необходимо очертить судьбу генерала и после возвращения из Югославии весной 1941 г.

Практически сразу же Самохину доверили не менее ответственное и политически щекотливое задание — он был назначен командиром 29-го Литовского стрелкового корпуса (Прибалтийский особый военный округ — Северо-Западный фронт), не только находившегося на острие предполагаемого удара, но и имевшего исключительно трудный район действий и сложный этнический состав. В сентябре 1941 г. генерал-майор Самохин был назначен заместителем командующего 16-й армией Западного фронта по тылу, а это, учитывая интенсивность продвижения немецких войск на восток, в то время была вовсе не тыловая должность, которая предполагала не только сложный комплекс мероприятий по обеспечению войск всем необходимым в экстремальных условиях экстренного отступления, но и ряд вполне понятных сопутствующих действий, связанных с активным действием немецких диверсантов и их пособников. В декабре Самохина снова повышают и назначают начальником II отдела III управления Генерального Штаба, а вскоре и начальником II управления (информационного) Главного разведывательного управления Генерального Штаба РККА. Страна переживала тяжелые дни, и армии были необходимы способные и грамотные офицеры, поэтому Самохина назначили командующим 48-й армией Брянского фронта.

Сразу же после назначения на новую должность 21 апреля 1942 г. Александр Георгиевич вылетел в Елец, но летчик

² Тимофеев А.Ю. Дипломатия по-русски, дипломатия по-сербски... С. 19.

сбился с маршрута и перелетел линию фронта, где был сбит над расположением немцев. Самохин попал в плен, причем в руки немцев попали важные секретные документы, имевшие большое значение: оперативная карта и директивы Ставки. Несмотря на столь печальные обстоятельства пленения, не внушавшие никакого оптимизма в случае возвращения на Родину, генерал-майор Самохин, в отличие от известного командующего 2-й Ударной армией Волховского фронта, отказался сотрудничать с немецкими вербовщиками, сколачивавшими РОА. В начале мая 1945 г. Самохин вместе с рядом других содержащихся вместе с ним пленных советских военачальников был освобожден американскими войсками, эвакуировавшими видных пленников во Францию. Оттуда 26 мая 1945 г. Самохина вместе с товарищами по плену вывезли в Москву³.

В ходе расследования были выявлены перелет на сторону врага и утеря важных документов, что имело однозначное толкование в то радикальное время, поэтому 21 октября 1945 г. Александр Георгиевич был арестован и осужден к 25 годам лишения свободы. Вскоре после смерти Сталина, 15 августа 1953 г. Самохин был реабилитирован и освобожден. Вышедший на свободу Александр Георгиевич сразу же решил продолжить образование, и в 1953/1954 г. стал слушателем Высших академических курсов при Военной Академии Генерального Штаба. Однако военная карьера генерала оказалась законченной, несмотря на отмену приговора. В 1954 г. генерал-майор получил утешительный орден Ленина, был уволен в запас и получил место старшего преподавателя общевойсковой подготовки военной кафедры МГУ. Сильные переживания нестарого и полного сил генерала тяжело отразились на его здоровье. 17 июля 1955 г. Самохин Александр Георгиевич скончался⁴.

³ Тимофеев А.Ю. Дипломатия по-русски, дипломатия по-сербски... С. 19.

⁴ Лурье В.М., Кочик В.Я. ГРУ: дела и люди. СПб.; М.: Нева, ОЛМА-Пресс, 2002. С. 295–296.

Не менее драматичной была и судьба самого полномочного представителя СССР в Югославском Королевстве Виктора Андреевича Плотникова⁵. Виктор Андреевич родился 26 октября 1898 г. в Астрахани. Вскоре отец умер, и мать Виктора Андреевича решила переехать в Москву, к чему у нее имелось несколько причин — она была модисткой, а в Москве найти работу было легче, к тому же малярийный климат тогдашней Астрахани не способствовал здоровью маленького Вити. В 1917 г. в Москве Виктор Плотников окончил гимназию и поступил в Московский коммерческий институт. Но 1917 год в России выдался удобным для чего угодно, но только не для учебы, да еще в Коммерческом институте. Воздух был пропитан революцией, все друзья молодого Виктора из студенческой и рабочей среды тянулись к революции и по рекомендации Председателя Казачьего Отдела ВЦИК Л.А. Коробова Плотников вступил в агитотряд «Защита прав трудового казачества крестьян и рабочих», а в феврале 1918 г. и в РКП(б). В качестве члена агитотряда, действуя по заданиям Казачьего Комитета (позднее Казачьего отдела ВЦИК), Плотников занимался политработой в военных частях и казачьих областях в 1918–1921 гг. В 1921 г. он был командирован ВЦИК в качестве Уполномоченного Сибревкома для организации и участия в полярной экспедиции на полуостров Ямал.

По возвращении из экспедиции Виктор Плотников поступил на экономический факультет Тимирязевской сельскохозяйственной академии. Закончив учебу в 1926 г., Виктор Андреевич работал до 1930 г. в системе рыбацкой, а затем сельскохозяйственной кредитной кооперации в Москве, на Каспийском и Аральском морях, в Туркмении. После ликвидации оргцентров сельскохозяйственной кооперации

⁵ Автор приносит искреннюю благодарность сыну Виктора Андреевича Плотникова — Валерию Викторовичу Орлову за предоставленные документы о судьбе первого советского полпреда в Югославии В.А. Плотникова. Автобиография Плотникова В.А. 14/IX 1937 г. для НКВД; Личный листок по учету кадров на Плотникова В.А.; Личное дело Плотникова В.А.

Плотникова перевели на ответственную работу в Московскую контрольную комиссию — Рабоче-крестьянской инспекции по линии сельского хозяйства области и назначили заместителем руководителя сельскохозяйственной группы МКК-РКИ⁶.

Из РКИ Виктора Андреевича перевели в систему Народно-Комиссариата Внешней Торговли. В 1932–1934 гг. Плотников работал заведующим Отделом Второэкспорта в Персии, а в 1935–1936 гг. был заместителем директора по экспорту Урумчинской конторы «Совсиньторга» в Китае. Необходимо напомнить, что тогдашний Синьцзян был местом крайне непростым. С начала 1934 г. на его территории находилась группа войск Красной Армии, усиленная танками, авиацией и артиллерией, прибывшая по просьбе китайского наместника провинции Шен-Ши-Цай для борьбы против дунганской (состоящей из местных китайцев-мусульман) армии братьев Ма, «ориентировавшихся на Японию и стремившихся создать в регионе великое дунганское государство Северо-Запада»⁷. Ситуация была столь сложной, что советские подразделения были «замаскированы» под белых, командиры Красной Армии носили погоны, а все звезды с обмундирования были удалены. Впоследствии лидер провинции Шен-Ши-Цай был принят в ВКП(б), а сам Синьцзян СССР был бы рад назвать Восточно-Туркестанской республикой, однако с началом Великой Отечественной войны затея провалилась.

В конце 1936 г. Плотников возвращается в Москву. Однако после непродолжительного пребывания в Москве (первая половина 1937 г.) на должности директора экспортной конторы Всесоюзного объединения «Международная книга», Виктор Андреевич вновь отбывает «за кордон» — решением ЦК ВКП(б) № 54/83 от 28/IX-37 Плотников в качестве Пер-

⁶ Тимофеев А.Ю. Дипломатия по-русски, дипломатия по-сербски... С. 20.

⁷ Очерки истории российской внешней разведки. Т. 3: 1933–1941 годы. М.: Международные отношения, 1997. С. 217.

вого секретаря полпредства СССР направлен в Будапешт для исполнения обязанностей поверенного в делах СССР в Венгрии. Хортистская Венгрия предвоенного времени была для советских представителей исключительно сложной страной, приближавшейся по ориентирам своей внутренней и внешней политики к гитлеровской Германии, а во многом ее и обгонявшей. Например, именно в Венгрии был принят первый в XX веке антисемитский закон *Numerus clausus*, дополненный в 1938 и 1939 гг. еще рядом законов, претворение в жизнь которых закончилось истреблением 600 тыс. из 800 тыс. венгерских евреев. В конце тридцатых годов Венгрия как верный союзник Германии поучаствовала в разделе Чехословакии и по результатам первого Венского арбитража аннексировала южные районы Словакии и часть Подкарпатской Руси, а 15 марта 1939 г. еще часть Словакии и оставшуюся территорию Карпатской Украины, как тогда уже называлась Подкарпатская Русь (нынешняя Закарпатская Украина), общей площадью 11 927 км² и населением свыше 1 млн человек.

В марте 1939 г. Виктор Андреевич Плотников был переведен на другой, не менее напряженный участок работы, вызывавший пристальное внимание СССР: с марта по сентябрь 1939 г. Плотников значился советником полпредства СССР в Финляндии. Он покинул Хельсинки незадолго до начала советско-финской войны, начавшейся, как известно, 30 ноября 1939 г.

Когда внешняя политика СССР по отношению к Финляндии была готова перейти в «горячую» фазу, Плотников отбыл в соседнюю Норвегию, которая в то время не была спокойным и богатым нейтральным государством, а кипела от политических страстей, подогреваемых правыми. Норвегия стояла на грани войны с СССР, на ее территории находились вербовочные комитеты, она посылала добровольцев и помогала переброске оружия в соседнюю Финляндию. Тем не менее, до прямого конфликта дело так и не дошло:

в марте 1940 г. советско-финская война закончилась, а уже в апреле того же года гитлеровские войска, вторгшиеся в Норвегию, захватили ее столицу Осло. Поэтому 15 июня 1940 г. в связи с оккупацией Норвегии немецкими войсками дипломатические отношения СССР с Норвегией были прекращены.

Согласно «Журналу записи лиц, принятых И.В. Сталиным», 19 июня 1940 г. Виктора Андреевича Плотникова принял лично Сталин, беседовавший перед этим с Молотовым, причем получасовой разговор Сталина с Плотниковым проходил в присутствии Молотова⁸. ТАСС 25 июня 1940 г. сообщил «Об установлении дипломатических отношений между СССР и Югославией» (Известия № 145 (7217) от 26 июня 1940 г.)⁹.

Директивная телеграмма Молотова Плотникову от 17 октября 1940 г. дает возможность понять (или, по крайней мере, с большой долей уверенности предположить), какие указания давал Сталин своему полпреду, уезжавшему в Белград¹⁰. Эти директивы сводились к следующему: не вставать открыто на сторону сторонников итало-германской или англо-американской ориентации, поддерживать политическую и экономическую независимость Югославии (вплоть до продажи оружия на обычных коммерческих условиях), но в то же время полностью опровергать слухи о попытках СССР проводить по отношению к Югославии политику панславизма или советизации, избегать вмешательства в проводимые Германией политические и экономические мероприятия. В сущности, именно этой политики, укрепления югославско-советских отношений с нейтральным отношением как к Англии, так и к Германии СССР придерживался

⁸ 1941 год: В 2 кн. Кн. 1 / Сост. Л.Е. Решин и др.; под ред. В.П. Наумова; вступ. ст. акад. А.Н. Яковлева. М.: Междунар. фонд «Демократия», 1998. С. 15.

⁹ Внешняя политика СССР. Том IV (1935–июнь 1941 г.). М.: ВПШ при ЦК ВКП(б), 1946. С. 514.

¹⁰ 1941 год... Кн. 1. С. 310–311.

вплоть до Апрельской войны 1941 г., о чём свидетельствует значительный массив опубликованных документов¹¹.

Эти устремления в целом соответствовали общей, с первого взгляда, двойственной, но на самом деле исключительно целостной внешнеполитической программе СССР того времени: готовиться к неизбежной войне с Германией, стараясь максимально оттянуть момент нападения последней на Советский Союз, для чего, с одной стороны, постараться не допустить дополнительного внешнеполитического усиления Германии, а с другой стороны, не раздражать ее, проводя по отношению к ней политику нейтралитета¹².

Дальнейшие события в Югославии не позволили осуществиться надеждам СССР на сохранение нейтралитета Югославии. Учитывая то, что все соседи Югославии (кроме Греции) уже присоединились к пакту Берлин–Рим–Токио, Югославия 25 марта 1941 г. была вынуждена подписать пакт. Этот документ не только гарантировал ей «от германской стороны твердое заверение насчет сохранения нейтралитета»¹³, но и отличался исключительной мягкостью¹⁴. При подписании Гитлер обратил внимание югославских представителей на близкие отношения между Москвой и Берлином. Однако лидеры Великобритании, зная о том, что возможная военная «помощь со стороны Англии представ-

¹¹ Документы внешней политики СССР. Том. XXIII. Кн. 1. 1 января — 31 октября 1940. М.: Международные отношения, 1995; Документы внешней политики СССР. Том. XXIII. Кн. 2. Ч. 1. 1 ноября 1940 — 1 марта 1941. М.: Международные отношения, 1998; Документы внешней политики СССР. Том. XXIII. Кн. 2. Ч. 2. 2 марта 1941 — 22 июня 1941. М.: Международные отношения, 1998.

¹² Тимофеев А.Ю. Дипломатия по-русски, дипломатия по-сербски... С. 21.

¹³ Белов Н. Я был адъютантом Гитлера... С. 328.

¹⁴ Югославия не должна была помогать Германии и Италии вооруженными силами, пропускать по своей территории их воинские подразделения для ведения боевых действий в третьих странах, Германия гарантировала территориальный суверенитет Югославии и обещала принять «во внимание интересы Югославии в отношении выхода в Эгейское море, что может быть осуществлено признанием ее суверенных прав на город и порт Салоники». *Смирнова Н.Д.* Балканская политика фашистской Италии. Очерк дипломатической истории (1936–1941). М.: Наука, 1969. С. 241.

лялась сомнительной и в лучшем случае — только символической»¹⁵, организовали (или, по крайней мере, поддержали) с помощью представителей своих секретных служб военный путч в Югославии, сопровождавшийся массовыми беспорядками¹⁶.

Трудно сказать, явился ли военный путч генералов-англофилов, сопровождаемый массовыми беспорядками, погромами и убийствами немцев, полной неожиданностью для СССР¹⁷. А. Гитлер в своем обращении к народу в связи с началом войны с СССР 22 июня 1941 г. (зачитанном по радио Гебельсом) утверждал, что «Англия и Советская Россия совместно организовали путч и за одну ночь устранили тогдашнее правительство, готовое к взаимопониманию. Сегодня об этом можно рассказать германскому народу: антигерманский государственный переворот в Сербии произошел не только под английскими, но и, прежде всего, под советскими знаменами. Поскольку мы промолчали и об этом, советское руководство сделало следующий шаг. Оно не только организовало путч, но и несколько дней спустя заключило со своими новыми ставленниками известный договор о дружбе, призванный укрепить волю Сербии оказывать сопротивление умиротворению на Балканах и натравить ее на Германию. И это не было платоническим намерением. Москва требовала мобилизации сербской армии»¹⁸. Известный историк-балканист Л.Я. Гибианский достаточно осторожно описал существовавшую в Белграде группу членов сербской тайной организации «Черная рука» (М. Голубича и Б. Симича), как людей близких советской военной разведке, опираясь при этом на зафиксированную в исто-

¹⁵ Черчилль У. Вторая мировая война. М.: Воениздат, 1991. Кн. 2. С. 76.

¹⁶ Смирнова Н.Д. Балканская политика фашистской Италии... С. 42; *Staford D.A.T. Soe and British Involvement in the Belgrade Coup d'Etat of March 1941* // *Slavic Review*. 1977. № 3. P. 399–419.

¹⁷ Тимофеев А.Ю. Дипломатия по-русски, дипломатия по-сербски... С. 21.

¹⁸ Hitler A. Der Führer an das deutsche Volk 22. Juni 1941. Der großdeutsche Freiheitskampf // Vol. 3. Reden vom 16. März 1941 bis 15. März 1942. München: Zentralverlag der NSDAP. Franz Eher, 1942. S. 51–61.

риографии «устную традицию»¹⁹. Далее Л.Я. Гибианский проанализировал имевшиеся данные о том, что советская разведка могла участвовать в перевороте 27 марта 1941 г. в Югославии вместе с английской разведкой²⁰.

Сведения на этот счет базируются на одном предложении из крайне специфического источника — опубликованных в 1990-е годы П.А. Судоплатовым воспоминаний, которые и попытался проверить Л.Я. Гибианский. Согласно Судоплатову, М.А. Мильштейн (1910–1992), заместитель начальника Разведупра Генштаба Красной армии, и М.А. Аллахвердов (1900–1968), сотрудник 1-го управления НКГБ, «были посланы в Белград, чтобы оказать помощь в военном свержении прогерманского правительства». История эта представляется крайне сомнительной, т.к. реального вклада советских боевиков (или актива по линии КПЮ) в событиях 27 марта не было²¹. Более того, сами «мемуары Судоплатова» представляются столь же сомнительным текстом, как и пресловутые «Мемуары Шелленберга», опубликованные в погоне за сенсацией и пережившие несколько редакций. Публикация «мемуаров Судоплатова» сначала была проведена в США и лишь потом в России. При этом текст публикации в США расходится с русскоязычной публикацией. Как добросовестно отмечает сам Л.Я. Гибианский, текст англоязычной публикации расходился с более поздней русской версией. В ней авторами были указаны, кроме П.А. Судоплатова, еще и сын Анатолий Судоплатов, а также Джеральд и Леона Шлестеры, вкупе с предисловием от старого английского советолога Роберта Конквеста, автора пресловутого «Большого террора», где компенсировал пробелы в источниках идеологическим задором²². В более раннем английском тексте

¹⁹ Гибианский Л.Я. Югославия перед лицом фашистской агрессии и Советский Союз. С. 434–446.

²⁰ Гибианский Л.Я. Югославия перед лицом фашистской агрессии... С. 464–469; Гибианский Л.Я. Советская политика в отношении Югославии перед апрельской катастрофой 1941 г. С. 141–163.

²¹ Судоплатов П.А. Разведка и Кремль... С. 136–137.

²² Conquest R. The Great Terror: Stalin's Purge of the Thirties. Oxford: University Press, 1968.

«мемуаров Судоплатова» было очевидно присутствие нестыковок, которые в дальнейшем были выправлены в русском переводе, где «соавторы» уже не фигурировали. Например, в английском тексте о перевороте фактически говорилось: «Major General Solomon R. Milshtein, deputy director of the GRU, was sent to Belgrade to assist the military action in the overthrow of the pro-German government. We also sent two experienced illegals: Vassili Zarubin and A.M. Alakhverdov, an Armenian» [Для оказания помощи военным действиям по свержению прогерманского правительства в Белград был направлен заместитель начальника ГРУ генерал-майор Соломон Р. Мильштейн. Также были направлены два опытных нелегала: Василий Зарубин и армянин А.М. Алахвердов]²³. В более позднем русском тексте стояло: «Генерал-майор Мильштейн, заместитель начальника военной разведки, был послан в Белград, чтобы оказать помощь в военном свержении прогерманского правительства. С нашей стороны в этой акции участвовал Алахвердов».²⁴ Куда в русской версии текста делся В.М. Зарубин, упоминание о нелегалах и армянском происхождении Алахвердова остаётся только догадываться. Понятно при этом, почему исчезло отчество Мильштейна — составители английской версии мемуаров перепутали Мильштейнов. Они указали вместо Михаила Абрамовича Соломона Рафаиловича, который тоже работал в НКГБ, но к зарубежным операциям отношение имел крайне косвенное. Впрочем, во введении английские соавторы объясняют пестрое происхождение мемуаров Судоплатова. Изначально, в 1970-е годы, были составлены некие записки П.А. Судоплатова, возникшие на основании его личных воспоминаний и бесед с близкими друзьями. Потом, уже в 1980-е годы, его сын Анатолий, исследователь истории

²³ *Sudoplatov P., Sudoplatov A. with J. and L. Schester. Special Tasks. The Memoirs of an Unwanted Witness — A Soviet Spymaster / Foreword by Robert Conquest. Boston — New York — London: Little Brown and Company, 1994. P. 118–119.*

²⁴ *Судоплатов П.А. Разведка и Кремль... С. 136–137.*

спецслужб и ученый стал работать над реабилитацией отца. Позднее к делу присоединились Шестеры, которые более года брали у него видеointервью, которое записывал их сын Стивен, а потом соавторы сравнили получившиеся записки с имеющимися опубликованными источниками. Но и на этом дело не закончилось. В исследовании поучаствовали еще и Джеффри Клоске в Нью-Йорке и Феликс Розенталь в Москве. А окончательно блеск «мемуарам Судоплатова» придал редактор Роджер Дональд, который тоже поучаствовал в процессе, «опровергнув утку, что редакторы больше не редактируют»²⁵. Немудрено, что в таком многочисленном коллективе перепутали Мильштейнов. Доверия к таким мемуарам немного, и их историческая ценность сомнительна даже для такого субъективного источника, как мемуары, так как в них субъективности придавал не только автор, но и все многочисленные соавторы и составители.

Отметим при этом, что вполне вероятно, что М.А. Мильштейн и М.А. Алахвердов (а вероятно, и В.М. Зарубин, работавший по Балканам в предвоенный период) посещали Белград незадолго до переворота 27 марта 1941 г. Об этом мог вспомнить и сам П.А. Судоплатов. Но вот реальная их вовлеченность в события мало вероятна. Например, приблизительно в то же время в Белграде побывали «Дикий» Билл Донован (1883–1959), будущий отец основатель и глава американского Управления стратегических служб (УСС), и бригадир Колин Габбинс (1896–1976), высокопоставленный сотрудник британского Управления специальных операций (УСО), автор наставлений по партизанской войне 1939 г. Значит ли это что и они все вместе участвовали в подготовке переворота? Американский исследователь упоминает, что Б. Донован в конце января 1941 г. разговаривал с будущим лидером переворота генералом Д. Симовичем и получил от него заверения, что Югославия окажет сопротивление

²⁵ *Sudoplatov P., Sudoplatov A. with J. and L. Schester. Special Tasks. The Memoirs of an Unwanted Witness... P. XVIII–XX.*

Германии, если она введёт войска в Грецию или Болгарию, чтобы не повторить судьбу Румынии, разделённой в результате ее «миролюбия»²⁶. Могли ли и советские представители участвовать в зондировании ситуации? Сложно дать на этот вопрос ответ, так как вызывающего доверия источника нет.

Отметим при этом, что никто из вышеупомянутых сотрудников советской или американской разведки не претендовал в своих мемуарах или любых других текстах на лавры «организатора» переворота 27 марта 1941 г. На роль успешных организаторов переворота претендовали англичане. Хью Далтон (1887–1962), во время происходивших событий министр экономической войны, основатель УСО и прямой начальник К. Габбинса конкретно написал в своих воспоминаниях: «...Югославское правительство подписало пакт со странами Оси. Мы послали телеграмму нашим друзьям, чтобы они любым путем организовывали революцию. В Белграде 27 марта произошел переворот. ВВС, младшие армейские офицеры и оппозиционные партии пришли к власти. Принц Павел был в ужасе от этого. Он долго обманывал наших дипломатов. Теперь он сбежал в Египет и потом в Кению, где мы держали его в очень комфортном месте, за его собственные средства, но под надзором, как политического заключенного. Молодой король Петр стал править самостоятельно». При этом Х. Далтон не хвалился путчем, честно оценив, что его «последствия были плачевными». Югославия продолжала пытаться оставаться нейтральной и вскоре была молниеносно оккупирована немцами из-за предательства хорватской части населения²⁷.

Судя по исследованиям большинства послевоенных историков британских спецслужб, роковой оказалась именно «дружба» британских дипломатов в Белграде с амбициоз-

²⁶ *Wilkinson P., Astley J.B.* Gubbins and SOE, London: Leo Cooper, 1997. P. 49; *Brown A.C.* Wild Bill Donovan: The Last Hero. New York: Vintage Books, 1984. P. 154–157.

²⁷ *Dalton H.* Memoirs: The Fateful Years: Memoirs 1931–1945. London: Frederick Muller, 1957. P. 373.

ным генералом ВВС королевства Югославия — Боривоем Мирковичем, который стал душой заговора, сбросившего правительство Д. Цветковича 27 марта 1941 г.²⁸ С этим же взглядом соглашались и советские историки до 1991 г.²⁹ С этим же тезисом согласуется и рассекреченная история УСО для служебного пользования, написанная в 1946 г. на архивах этой организации³⁰.

По крайней мере, местные коммунисты (в то время последовательные проводники всех идей Москвы, преданно колебавшиеся вслед за генеральной линией ВКП(б)) вспоминали об обратном, свидетельство тому — мемуары Светозара Вукмановича-Темпо и Милована Джиласа³¹. По их сведениям, Сербский республиканский комитет КПЮ 27 марта 1941 г. издал прокламацию, направленную против Великобритании, в которой, в частности, было заявлено, что лучшая гарантия против нападения немецких империалистов — подписание пакта о взаимопомощи с СССР. Тито 29 марта 1941 г. осудил англофилов и провокаторов, участвовавших в сожжении немецкого флага и погроме Немецкого туристического бюро.

В 1941 г. КПЮ не смогла осмелиться выдвинуть лозунг о советско-югославском договоре самостоятельно, без санкции свыше, поэтому понятно, что мнение СССР было выражено еще до путча как ответ на возможное подписание пакта Югославии и Германии³². В условиях возможного

²⁸ *Stafford D.A.T.* SOE and British Involvement in the Belgrade Coup d'État... P. 399–419; *Foot M.R.D.* SOE: an outline history of the Special Operations Executive 1940–1946. London: British Broadcasting Corporation, 1984. P. 237; *Barker E.* British Policy in South-East Europe in the Second World War. London: Barnes & Noble Books, 1976. P. 78–95.

²⁹ *Смирнова Н.Д.* Балканская политика фашистской Италии... С. 242.

³⁰ *Mackenzie W.* The Secret History of SOE: Special Operations Executive 1940–1945. Boston: Little Brown Book Group, 2002.

³¹ *Đilas M.* Memories of a Revolutionary. New York: Harcourt, 1973. P. 369–373; *Вукмановић-Темпо С.* Револуција која тече. Мемоари. Загреб: Глобус, 1982. Књ. I. С. 156.

³² *Вујошевић У.* Преписка (радиограми) ЦК КПЈ — ИККИ. Јун 1940. — децембар 1941. // Војноисторијски гласник. 1992. № 1–3. С. 277–236.

подписания Югославией пакта с Германией СССР очевидно стремился подписанием договора между СССР и Югославией выровнять международное положение и стабилизировать ситуацию. В случае нападения государств антикоминтерновского пакта на Югославию советско-югославский договор мог превратиться не в гарантию нейтралитета Западных Балкан, а в объявление войны Германией.

Ситуация в чем-то напоминала вступление России в Первую мировую войну, в которую ее также втянули, используя очередную авантюру балканских политиков, раньше намеченного срока окончания модернизации армии. Однако руководство СССР продемонстрировало куда больше реализма (или, если угодно, политического цинизма), чем Николай II и его окружение. СССР не дал раньше времени втянуть себя в войну, причем в войну, в которую СССР заведомо вступил бы как нарушитель договора с Германией, а также потенциальный источник «панславизма и коммунизма»³³. Хотя Кремль накануне гитлеровского вторжения и подписал договор с обреченной Югославией³⁴, но помочь ей после совершенной ее же собственными генералами смертельной ошибки уже, в любом случае, никто не был в силах: ни окопавшиеся в Греции англичане, спровоцировавшие путч, чтобы оттянуть часть немецких сил на борьбу с Югославией, ни далекий СССР, помощь из которого просто не успела бы поступить.

³³ Тимофеев А.Ю. Дипломатия по-русски, дипломатия по-сербски... С. 22.

³⁴ Известия. 1941. 6 апреля; Документы внешней политики. 1940 — 22 июня 1941. М.: Международные отношения, 1998. Т. XXIII. В 2 кн. Кн. 2. С. 522–523.